«ЗУБР» — эхо дальнее и близкое

Во встрече участвовали: писатель А. Адамович, кандидат технических наук В. Геодакян, кандидат биологических наук Ю. Григорович, доктор физико-математических наук В. Иванов, член-корреспондент АМН СССР Вл. Иванов, доктор филологических наук Вяч. Вс. Иванов, писатель Ю. Карякин, доктор биологических наук В. Корогодин, доктор технических наук В. Налимов, участник берлинского подполья Н. Нумеров, кандидат биологических наук И. Полетаева, искусствовед М. Реформатская, режиссер «Центрнаучфильма» Е. Саканян, главный редактор журнала «Вопросы истории естествознания и техники» Б. Юдин, доктор биологических наук А. Ярилин, корреспондент отдела науки «ЛГ» Л. Загальский. Вела встречу и подготовила отчет редактор литературно-публицистического отдела «ЛГ» И. Ришина.

И. Ришина. Конечно, любое значительное документальное произведение непременно имеет последействие. Но то, что произошло, происходит с гранинским «Зубром», не укладывается в обычные представления. Независимый, неожиданный, непредсказуемый Зубр, очень живой, активный в жизни, благодаря книге Гранина и в посмертной своей судьбе оказался столь граждански активным, что буквально ворвался в наше время, в перестройку, в ее бурные дискуссии, неуемные споры. И хотя «ЛГ» год назад в рубрике «Почта одной книги» уже рассказывала о том общественном резонансе, который получила эта документальная повесть, сегодня мы решили вернуться к ней снова. Почему? Отклики на «Зубра» все идут. Не эпически спокойное биографическое произведение об ученом, а вещь мировоззренческая, обращающая нас к коренным вопросам социальной, политической, нравственной, духовной жизни общества, она и читательскую почту вызвала соответствующую. В ней — отражение разных взглядов на сегодняшнюю ситуацию в стране: и тех, кто пытается освободиться из плена стереотипов мышления, и кому это сделать в силу разных причин очень трудно, и кто не желает сбрасывать вериги сталинско-застойных времен. Почта и послужила поводом к этой нашей встрече в редакции. К тому же получилось так, что накануне на биофаке МГУ был устроен вечер, посвященный Н. В. Тимофееву-Ресовскому.

Говоря о нем как о великом ученом и человеке, о масштабе личности, крупности характера, внутренней свободе, подлинной интеллигентности, его коллеги, ученики, как и читатели в своих письмах в «ЛГ», обращались к повести Д. Гранина и к связанным с ней публикациям, которые появились в последнее время в периодике. Журнал «Наука и жизнь» следом за «круглым столом» «Научное наследие Зубра» (№ 2) напечатал в третьем номере статью доктора экономических наук Г. Попова «Система и Зубры», а в мартовском номере «Нашего современника» в статье «К какому храму ищем мы дорогу?» о гранинском герое рассуждает доктор исторических наук А. Кузьмин. В этой статье, как и в напечатанных в декабрьской книжке «Москвы» полемических заметках В. Бондаренко «Очерки литературных нравов», к Зубру и к автору повести предъявляются очень серьезные упреки. Не удивительно, что это сразу же вызвало реакцию — и в читательской аудитории, и в научном мире. «Литгазета» напечатала письмо ученых В. Струнникова, А. Яблокова, В. Иванова «Необоснованные обвинения». Поскольку герой повести — лицо реальное, то после публикации заметок В. Бондаренко произошло событие, непосредственно касающееся Н. В. Тимофеева-Ресовского.

Дело в том, что киногруппа во главе с режиссером Е. Саканян (о ее подвижническом отношении к Тимофееву-Ресовскому, об энергичном поиске материалов надо рассказывать отдельно), снимающая на «Центрнаучфильме» ленту «Рядом с Зубром», направила летом прошлого года в Верховный суд СССР обращение о реабилитации знаменитого генетика. Десятки ученых — и среди них академики О. Газенко, Н. Дубинин, В. Струнников и другие — поддержали это обращение. В пленум Верховного суда СССР был внесен протест Генерального прокурора СССР, но буквально за день-два до слушания дела увидела свет статья В. Бондаренко — и рассмотрение протеста было отложено. Вот какой неожиданный жизненный резонанс получило литературное выступление. А наша почта пополнилась новыми письмами. Как и раньше, значительное большинство читателей дает высокую оценку произведению Д. Гранина, говорит о его актуальности, созвучности нашему времени. Пришли письма, в которых высказываются недоумения, а также противоположные мнения, немного, но они есть, и думаю, что в «Москве» и в «Нашем современнике» их должно быть гораздо больше.

Как видите, «Зубр» своей актуальной проблематикой сегодня снова обращает нас к себе.

ПРИМЕРЬТЕСЬ!

А. Адамович. Что такое «Зубр», не о чем он, а именно что он такое? Можно определить вот так: своеобразный тест, инструмент, испытывающий нас, нашу систему ценностей. Каким-то чудом и в сталинские времена сохранился, сохранялся высокий эталон человека — в бытовых нишах, в глубинах жизни. Д. Гранин с его умением извлекать на свет божий удивительные характеры, странные жизни добыл нам его, показал: нате, прикиньте, примерьтесь!

И примериваемся. Хотим мы того или нет.

Ну, и что обнаруживаем, обнаруживается? Тимофеев-Ресовский — он, конечно, Зубр, удивительно крупная личность, под стать Вернадскому, Вавилову, Любищеву, а если ближе к нашей профессии — Булгакову. Но не в одной крупности характера, личности, дарования дело. А в том, что он в общем-то норма, в истребительной борьбе с которой вырастал и вырос сталинизм, а затем застой и тому подобное. Норма! Ну, а не норма, став рядышком, что, думаете, сникнет, устыдится? Бывает, и устыжается, устыжаемся. За то, что с нами делали, сделали, а мы сделать позволили. Но ведь и с обидой, с возмущением читают эту повесть. И еще с каким возмущением. Нас величали «новыми людьми», сам товарищ Сталин льстил нам, называя «людьми особого склада». Это какого же особого? Люди, которым, если они управляют делами, на слово не верь, а только бумажке? А те, которыми управляют, хлеб разучились растить, землю любить, достоинство труда, профессии уважать?.. И весь набор качеств — о них сегодня столько пишем, пишут, — от которых стремимся избавиться, учась жить заново, работать по-человечески.

Но Д. Гранину мало нас провоцировать на несогласие с ним, тыча в глаза нормой человеческой, своим Зубром. Он начинает нас шокировать ситуациями, к которым не привыкли, от которых литература основательно отдалилась. Мол, как вы, «новые люди», отнесетесь к тому, что ученый возьми и не возвратись домой, когда его позвали — под обух? Сталин взялся убивать всех, кто, по его мнению, выделялся из замороченной, запуганной массы людской, а тем самым нарушал «норму», которую отныне определять должен был он — «гений всех времен и народов». И вот велено было и тем, кто оказался за пределами досягаемости, возвращаться. Под обух. И возвращались. Звала-то Родина, казалось, кликала Советская власть. Так многим казалось. Приезжали — и тут же попадали во чрево чудовищной машины истребления. «А почему я должен ехать? — Ну как? Ты патриот? — Патриот. — Возвращайся, мы отрубим тебе голову как патриоту. — А надо ли? Может, моя голова именно Родине еще и пригодится? — Ах, ты не поехал, значит, ты не патриот, и тем более тебе надо отрубить голову». О, он был мастер конструировать, расставлять моральные ловушки перед теми, кого истреблял.

Сталин ловушку устроил даже из партийной убежденности, преданности, когда множил процессы. И срабатывало: ты, может быть, и не виноват, но помогни нам разоблачить врагов партии, народа! И стихи даже были: если скажут «солги» — солги, если скажут «убей» — убей. ...И вот эту-то ловушку сегодня некоторые критики не стесняются, не стыдятся снова выставлять перед Тимофеевым-Ресовским. А, не вернулся на Родину! А, остался в Германии! И чем ты там занимался?..

И. Ришина. Когда началась война и Зубр оказался в стране, воюющей с его Родиной, положение его стало особенно сложным, трудным.

А. Адамович. Автор романа документально повествует, кем и чем оставался всегда верный высокому человеческому достоинству Зубр. Тогда ловушку поворачивают в сторону самого автора. Кого описываешь, перед кем восторг высказываешь — перед невозвращенцем, предателем?

Не могут простить ученому, что не поехал под обух, не полез в ловушку. И автору, что не осудил привычно, а стал разбираться, взвешивать, что и к чему. Как, впрочем, многие все еще «не прощают» жертвам то, что очень уж тяжелым грузом повисли они на их кумире Сталине. Когда скрупулезно подсчитывают «ошибки» и «грехи» убиенных, становится яснее ясного: да это же все делается, чтобы как-то уравновесить преступления самого убийцы.

Да, трудненькую задачу поставил Гранин своим повествованием-тестом. Читай и соизмеряй, подсчитывай, насколько тебя урезали, укоротили. Ну, а если не каждому это понравилось и начали некоторые старыми мерками мерить и героя, и книгу, и самого автора — что ж, значит, действительно мера потеряна основательно. И тем более своевременны такие книги.

Н. Нумеров. Алесь Адамович назвал повесть Гранина тестом. Я совершенно согласен с ним. Более того, как бывший пехотный комбат, я бы сказал, что она — разведка боем за новое мышление, за освобождение от догматического взгляда на человека, за победу над пустившим глубокие корни явлением, которое я назвал бы «сталинский синдром» в народе. Характернейший, выразительный пример его — Н. Андреева со своим письмом-окриком «Не могу поступаться принципами» и те, кто поддерживал, способствовал ее рвению. На собственной горькой судьбе знаю, что это опасная, могущественная сила. Как солдат партии, считаю, что этой позиции надо дать решительный бой.

Моя жизнь в какой-то степени пересеклась с повестью «Зубр». В 1942 году в бою под Харьковом я был тяжело контужен и попал в плен. В лагере под Берлином советские военнопленные создали подпольную антифашистскую организацию, которая потом в листовках была обозначена как «Берлинский комитет ВКП(б)». Листовки, подготовленные комитетом, распространялись среди «остарбайтеров» во многих районах Берлина, в лагерях военнопленных, забрасывались в немецкие воинские эшелоны, уходившие на восток. Подпольщики внедрялись во власовскую РОА, с тем чтобы и там вести работу среди советских военнопленных и граждан, увезенных из оккупированных областей на фашистскую каторгу. Берлинский комитет был тесно связан с татарской группой Мусы Джалиля, с немецкими коммунистами, с болгарскими антифашистами. Членом комитета являлся сын Тимофеева-Ресовского Фома. Д. Гранин, работая над «Зубром», знал только об участии Фомы в антифашистском подполье, на комитет он не вышел. Мы сами откликнулись, прочитав повесть в «Новом мире». Я увиделся с Граниным в Москве, рассказал ему подробности, детали, он, конечно, очень сожалел, что наша встреча не произошла раньше.

Как один из оставшихся в живых участников берлинского подполья, как гражданин и коммунист, я не могу отнестись равнодушно к тому, что сегодня кое-кем ставится под сомнение честное имя Тимофеева-Ресовского. Я познал все муки военного ада, на фронт ушел добровольцем в 41-м, с первого часа в боях на передовой, потом страшный плен, умерших от истощения людей ели рядом со мной... Когда провокатор провалил наш Берлинский комитет — что я пережил в гестапо, какие пытки и страдания перенес... Мы были приговорены к уничтожению в лагере смерти — Каунасском форте № 7, я организовал побег... То есть что такое фашизм — на собственной шкуре испытал. Это, думаю, дает мне моральное право возразить тем, кто высказывает недоверие герою книги, ее автору, убежденному в моральной, нравственной чистоте, гражданской непогрешимости Тимофеева-Ресовского.

С Николаем Владимировичем лично я не был знаком, ведь мы действовали в условиях строжайшей конспирации, но много слышал о нем от своих товарищей по подполью Н. Бушманова, А. Рыбальченко, Е. Индутного, М. Иконникова... Сведения, которые удалось собрать подпольщикам, характеризовали Тимофеева как человека надежного, преданного Родине, ненавидящего фашизм. Он не только всячески помогал советским людям, оказавшимся по разным причинам в критической ситуации, грозящей гестаповскими застенками или концлагерями, сочувственно относился к подпольной антифашистской работе сына, но и искал возможность самому активно помогать сражающейся Родине. Вопрос о привлечении Тимофеева тщательно обсуждался на комитете. Фому решили в это не посвящать. Руководителю берлинского подполья полковнику Бушманову удалось встретиться с Николаем Владимировичем. Он дал понять, что связан с командованием Красной Армии, что доверяет ему и предлагает сотрудничество. Нужна достоверная, компетентная информация о военных научных работах немцев, их планах, настроениях ученых и т. п. Бушманов отметил: это обращение не удивило Тимофеева, он как будто его ждал, был внутренне готов к сотрудничеству. Сказал, что может быть полезнее, чем Фома, который, как он догадывается, участвует в подполье. Но поставил условие: «железное» подтверждение, что полковник Бушманов представляет действительно Красную Армию, а не гестапо. «Они там, в Москве, знают, как это делается, чтоб я поверил вам»,—сказал он. К сожалению, связь с Москвой установить не удалось: все посланцы Берлинского комитета после перехода фронта оказывались за решеткой как «изменники Родины».

Бушманов часто вспоминал беседы с Фомой об отце. Думаю, что это интересно знать для того, чтобы понять «невозвращенчество» Н. В. Тимофеева.

По рассказам Фомы, отец находился под сильным впечатлением известного письма Ф. Раскольникова Сталину, которое было широко распространено на Западе. Это письмо наложилось на доходившие до него предупреждения, на разговоры с сотрудником советского посольства, который был для Тимофеева источником информации о событиях на Родине. Николай Владимирович не мог скрыть от близких тяжелых переживаний из-за двойственности своего положения. О его настроениях рассказывал товарищ Фомы, сын русского эмигранта Андрей Редлих, который, как и Фома, был связным между руководителем группы «Грюневальд» Е. Индутным и возглавлявшими Берлинский комитет Н. Бушмановым, А. Рыбальченко, Ф. Чичвиковым. Так вот, по словам Редлиха, Николай Владимирович не раз говорил Фоме и его товарищам: «Наше место, мужики, там — на фронте, в красноармейских шинелях, а вы тут в заговорщиков играете...» Его, видимо, очень тревожили молодость, открытость, импульсивный характер сына, недаром он объяснял Бушманову во время их встречи, что такая серьезная, опасная работа требует большого жизненного опыта. Если бы были живы Бушманов и Рыбальченко, они бы, я полагаю, еще более аргументированно засвидетельствовали стремление Тимофеева к активным действиям, его патриотическую настроенность.

Я был очень удивлен, когда недавно узнал, что Тимофеев-Ресовский до сих пор не реабилитирован юридически. Немедля я обратился в Главную военную прокуратуру СССР, в другие инстанции. Справедливость должна восторжествовать! Она должна восторжествовать и по отношению к Берлинскому комитету ВКП(б). Несмотря на многочисленные и непреложные свидетельства о существовании и героической антифашистской деятельности этой подпольной организации, она до сих пор официально не признана, если вообще правомерно говорить о признании того, что бесспорно, фактически имело место. Бериевское табу должно наконец кануть в Лету! Восстановление исторической правды необходимо не только детям и внукам Бушманова, Рыбальченко, героям Сопротивления, которые по сей день числятся в списках «без вести пропавших», — она нужна нашему народу.

И. Ришина. Николай Владимирович Нумеров упомянул среди членов Берлинского комитета Иконникова. Михаил Иванович Иконников прислал в «ЛГ» письмо. Я прочитаю небольшой кусок из его воспоминаний о Фоме. В них характеристика не только юного героя, но и Тимофеева-Ресовского.

«Принимал Фома самое активное участие в операции по устранению Власова. Для этого он достал у отца в институте цианистый калий. Операция сорвалась в связи с провалом группы... Попал в гестаповскую тюрьму и я. Следователь устроил очную ставку с Фомой, которого привели сильно избитым, со следами пыток. Когда следователь на секунду отвлекся, мы покачали головами друг другу: «Не признаемся». Нам пытались подсунуть «признания» наших товарищей Чичвикова и Антипова. Но Фома категорически отверг все. В 44-м году в Тегельской тюрьме Чичвиков сообщил мне, что Фома вел себя мужественно, никого из подпольщиков не назвал, несмотря на жестокие пытки, ничего не выдал (а знал он очень много). После войны Бушманов еще раз подтвердил в разговоре со мной большую роль Фомы в делах берлинского подполья. Другим Фома и не мог быть. Чувствовалось, что он получил хорошее семейное воспитание. Он был воспитан в духе высокой чести, порядочности, с большой любовью отзывался о матери, отце, младшем брате, говорил, что родители тоскуют по родине, что отец еще в начале войны утверждал: немцы все равно будут разбиты...»

Вот что сказал мне в беседе Д. Гранин: «На основании материалов, которые я получил о Берлинском комитете ВКП(б) от Н. Нумерова из Москвы, от М. Иконникова из Архангельска, от В. Кучерявого из Харькова, я сделал вставки в книгу. Вообще я против подобных вставок, потому что они нарушают построение вещи, ее ритм, вторгаются в ткань повествования — это всегда заплата. Но здесь, черт с ней, с этой заплатой, со всеми композиционными, стилистическими и прочими литературными соображениями. Мне хотелось полученные сведения обязательно опубликовать — и ради Фомы, и, конечно, ради Николая Владимировича Тимофеева-Ресовского, но еще — что очень и очень важно — ради этих людей, которых постигла незаслуженная, несправедливая судьба. Дополненный материалами о берлинском подполье «Зубр» выйдет в Профиздате».

К ВОПРОСУ ОБ «АБСОЛЮТНОЙ ТОЧНОСТИ»

Валерий Иванов. А. Кузьмин, говоря на страницах «Нашего современника», что «недавно коллеги Ресовского попытались дезавуировать резонные недоумения, высказанные В. Бондаренко», и при этом ссылались «на тех, кто свидетельствует в пользу» ученого, выражает сомнение: «Надо бы с этим разобраться, потому что есть и иные свидетельства». Какие же? Самые убедительные, как мнится А. Кузьмину, материалы, которые демонстрируются и комментируются в публичных лекциях Г. Середы, бывшего руководителя того объекта на Урале, где работали Н. Тимофеев-Ресовский и его немецкие коллеги. Заметим, что чуть выше в своей статье А. Кузьмин совершенно справедливо требует: «...Там, где речь идет о реальных лицах и подлинных событиях, да еще огромного социально-политического значения, правдоподобия мало. Нужна абсолютная точность». Какова же точность аргументов, врученных ему Середой? Указывается на два обзора в «открытых» журналах: один в «Умшау» (1941 г.), другой в «Натурвиссеншафтен» (1942 г.), оба в соавторстве —Ресовский, Борн, Циммер. А. Кузьмин, полагаясь на данные Г. Середы, ничтоже сумняшеся утверждает: «Соавторы спокойно повествуют об опытах на людях, которым вводили в кровь торий-Х... Фашистская Германия, наверное, была единственной страной, где подобные эксперименты даже никак и не камуфлировали. «Неполноценные»—не люди». Получается, что Ресовский — человеконенавистник, ставил опыты над пленными, то есть, по существу, он является военным преступником. Не более и не менее. Вот какое страшное обвинение брошено. Расчет простой: главное — бросить, а там подхватят другие — и пойдет, покатится...

По счастью, эти журналы оказались доступными, на что, видимо, Г. Середа не рассчитывал. Обнаружились они у присутствующего здесь Владимира Ильича Иванова, который является заместителем председателя комиссии АН СССР по научному наследию Н. В. Тимофеева-Ресовского и располагает частью его архива. Трудно представить, чтобы военный преступник не заметал следы своих черных деяний, а Тимофеев-Ресовский спокойно хранил статьи, и уже одно это означает: он не считал их сколь-нибудь порочащими его. Но это, так сказать, присказка. Когда же материалы были изучены, стало очевидно: обвинение Середы — Бондаренко — Кузьмина несостоятельно, смысл работ извращен. Не буду делать подробных разъяснений, скажу только, что к опытам с торием-Х, о которых упоминается в обзоре, Тимофеев-Ресовский вообще никакого отношения не имел. А сами эти «страшные» опыты не что иное, как абсолютно безвредный, широко применяемый во всем мире диагностический метод «меченых атомов».

Так обстоят дела с «абсолютной точностью», к которой взывал в своей статье А. Кузьмин. Ну что ж, в конце концов можно простить неспециалистам Бондаренко и Кузьмину их неосведомленность, простить использование непроверенных фактов, которые им подсунули. Но Середа-то шел на сознательную ложь, уж он, профессор, доктор наук, понимал, о чем статьи Ресовского.

И. Ришина. Оговор меж тем действительно быстро подхватывается, тиражируется. Вот уже писатель Ан. Иванов в своем диалоге с В. Свининниковым (пятый номер «Нашего современника») бросает: «...Есть ведь документы, публикации в научных журналах тех лет, соавтором которых был Тимофеев-Ресовский, и речь идет об опытах на людях. Небезобидных опытах».

Ю. Григорович. Готовясь к этой встрече, мы с И. Полетаевой поехали в Ленинград к К. Григоровичу, нейрохирургу, входившему в комиссию по принятию Буха, и записали на пленку его рассказ о встречах с Ресовским 1 и 2 мая 1945 года. Хорошо зная языки, К. Григорович имел возможность беседовать с разными людьми в лаборатории Тимофеева, и все они с восторгом отзывались о нем. Естественно, что если на ком-нибудь из военнопленных ставились бы опыты, то эти люди, верно, первым делом выдали бы его как истязателя. Ничего подобного не было. Никакой враждебной атмосферы.

Владимир Иванов. Хочу вернуться к роли Г. Середы в очернительстве Тимофеева-Ресовского и добавить еще один штрих к портрету этого радетеля за правду. Я познакомился с ним в Обнинске, в доме Тимофеевых-Ресовских, куда он заходил с женой чайку попить, и не раз. Предположим, убежденность в том, что Николай Владимирович — аморальный, такой-сякой, не мешала Середе бывать у него в гостях, но зачем же было устраивать к нему собственного сына, молодого физика, разве нельзя было найти ему другого, более нравственного шефа? В начале июня в обнинской газете «Вперед» Г. Середа в своем письме смягчил тон. Тимофеев-Ресовский у него теперь больше жертва, чем преступник, но и при этом Г. Середа снова оказался не на высоте, тенденциозно трактуя выдержки из документальной книги американского журналиста Д. Ирвинга «Вирусный флигель» (Атомиздат, Москва, 1969). И что еще характерно — у него и сегодня не вызывает возражений, сомнений тот факт, что Тимофеев-Ресовский после войны «был не реабилитирован, так как для этого не было оснований, а был прощен». Вопрос об обоснованности критических выступлений, ответственности за них приобретает сегодня особенную остроту, потому что на волне гласности образуется пена вседозволенного шельмования, сведения счетов.

Позвольте мне как специалисту в области генетики и радиобиологии сказать несколько слов о евгенике, поскольку и в статье Кузьмина в связи с Н. Кольцовым, любимым, почитаемым учителем Тимофеева, и в других материалах — где впрямую, а где намеками — безответственно проходит мысль о причастности ученого к расистской ветви евгенического движения. У Николая Владимировича нет ни одной работы, которую можно было бы привести как пример этого направления. К «науке об улучшении человеческой породы» он отношения не имел. В 1962 году, когда Тимофеев-Ресовский защитил докторскую диссертацию, чтобы избавиться от блестящего ученого, отечественные монополисты воспользовались услугами Р. Главинич, бывшей югославской партизанки, сотрудницы Т. Лысенко, которая написала в ЦК КПСС, что в Германии, где был Тимофеев-Ресовский, творились преступные вещи и, следовательно, он тоже сильно замаран. Этот же способ навета взял на вооружение профессор Е. Логачев из Кемерова.

Л. Загальский. В нашу редакцию Е. Логачев тоже прислал письмо:

Середа, Кузьмин, Бондаренко используют против Тимофеева-Ресовского книгу «Вирусный флигель», которая якобы проясняет причастность Зубра к разработке атомного оружия в Германии. Это еще один очень серьезный упрек. Он звучит и в большой, двухполосной(!) статье С. Иванова «Страницы Уранового проекта», напечатанной недавно в «Литературной России». Показательно, что автор статьи признает ложность обвинений Тимофеева-Ресовского в увлечении евгеникой и опытами над людьми, но тут же возводит другую напраслину. При этом в качестве одного из аргументов участия Тимофеева в Урановом проекте он странным образом использует факт отсутствия его подписи под секретным отчетом, где есть подпись только Циммера.

Е. Саканян. Придумано хитро — объяснять теперь некому: Циммер за месяц до выхода этой статьи умер. А я бы с удовольствием показала С. Иванову секретный список тем имперского исследовательского совета за 1943—1944 годы, который в числе других интересных документов, касающихся ученого, я получила с помощью студии «Дефа» из МВД ГДР (для анализа эти документы были отданы специалистам). Думаю, что С. Иванову и другим было бы интересно также узнать о связи Тимофеева-Ресовского с Жолио-Кюри в годы войны, о саботаже — как части общеевропейского движения Сопротивления — немецкому Урановому проекту. Могу дать послушать запись, сделанную в свое время в МГУ, самого Тимофеева-Ресовского, прямо отвечающего на поставленный вопрос о его участии в атомном проекте. Недавно я вернулась из ГДР, где снимала ряд людей, знавших Николая Владимировича и работавших с ним, в частности академика Г. Штуббе и члена ЦК СЕПГ академика Р. Ромпе, в годы войны подпольщика, единственного оставшегося в живых из участников Гейзенбергского семинара. После беседы с Р. Ромпе я еще раз убедилась, что история немецкого Уранового проекта ждет глубокого исследования.

Л. Загальский. Читатель, обративший наше внимание на публикацию С. Иванова в «Литературной России», на ход рассуждений в ней, задает вопрос: «Интересно, когда следующий критик признает несостоятельность версии С. Иванова, как тот признал эфемерность выводов В. Бондаренко и А. Кузьмина, — что этот новый критик будет вменять в вину Зубру?»

Действительно интересно — что? А в связи с Урановым проектом, мне кажется, надо обнародовать заявление члена-корреспондента АН СССР (отделение ядерной физики), зав. сектором Физического института имени П. Н. Лебедева Е. Фейнберга в Главную военную прокуратуру СССР по делу о реабилитации Н. В. Тимофеева-Ресовского. Вот выдержки из него.

Е. Фейнберг пишет: «В книге Д. Ирвинга сказано: «...В Германии генетическим последствиям уделялось внимание и даже были проведены исследования воздействия нейтронной и другой проникающей радиации. С 1943 года вплоть до конца войны и военное министерство, и полномочный представитель по ядерной физике заключили несколько контрактов на изучение этого вопроса. Исследования в основном проводил отдел генетики Института кайзера Вильгельма в Берлин-Бухе».

Этот отдел и есть лаборатория Тимофеева-Ресовского. Далее Ирвинг говорит об исследованиях по «биологическому воздействию корпускулярного излучения, включая нейтроны, с точки зрения его использования в качестве оружия», проводившихся, если ему верить, Раевским, директором совсем другого, биофизического института в Берлин-Далеме, находившемся на расстоянии многих десятков километров от Берлин-Буха. Никаких других упоминаний о лаборатории Тимофеева-Ресовского в книге Ирвинга нет.

Но то, что о нем сказано, формально правильно. Исследования воздействия нейтронов и другой «проникающей радиации» в лаборатории Тимофеева-Ресовского действительно велись, и с 1943 г. темы исследований включались по крайней мере в имперский список секретных работ. Однако прежде всего нужно иметь в виду, что это традиционная тематика исследований Тимофеева-Ресовского, начатых еще до войны и даже до гитлеризма. Но имели ли они военное значение, в частности для разработки атомного оружия в гитлеровской Германии? Легко убедиться, что ответ должен быть резко отрицательный.

Из архива МВД ГДР была получена прилагаемая ксерокопия нескольких страниц секретного имперского списка научных исследований, содержащих имя Тимофеева-Ресовского. Его работа значится под № 0224 в разделе «Общая медицина»... В секретном списке фигурировали сплошь обычные медико-биологические темы. Степень военного значения в имперском списке может быть охарактеризована «индексом приоритета», присвоенного каждой работе. Здесь все они имеют индекс СС. Тот же Ирвинг пишет, что в апреле 1944 г. такой индекс приоритета был «совершенно обесценен... так как его присваивали почти всем работам»... В момент внесения исследований Н. В. Тимофеева-Ресовского в имперский список работы по атомному оружию в Германии находились на столь раннем, предварительном уровне, что исследования действия излучения не могли иметь военного значения.

...Мне приходилось знакомиться с литературой по Урановому проекту в Германии, а также беседовать с физиками-теоретиками, как с эмигрировавшими из гитлеровской Германии на Запад, так и с остававшимися при Гитлере, и я считаю своей обязанностью сообщить Главной военной прокуратуре СССР свою оценку подозрений... относительно Н. В. Тимофеева-Ресовского».

И. Ришина. Я подумала сейчас, как точно поступил Д. Гранин, не назвав подлинным именем «верного врага» Зубра, обозначив эту фигуру как Д. По недомыслию, в прошлой нашей беседе я выражала недоумение: как же так, среди реальных лиц он один в повести — вымышленный, ведь тем самым конкретный завистник, интриган, доносчик как бы укрыт от общественного презрения, избавлен от суда чести. Но то, что происходит сегодня, подтверждает мудрость писательского замысла — запечатлеть тип, явление, а не пригвождать одного «заклятого сподвижника». Сначала эти Д. пытались сорвать публикацию повести, угрожали автору, редакции «Нового мира». Теперь они пытаются дискредитировать героя.

ЕЩЕ ШТРИХИ К ПОРТРЕТУ

В. Налимов. Те, кто пишет о Тимофееве-Ресовском, должны были понять, что не надо говорить о нем больше, чем сам он хотел сказать о себе. Не надо домысливать за него, почему он не хотел открываться: сделал — не сделал, уехал— не уехал, причины могут быть глубоко личными, разного свойства. Не нужно пытаться анализировать все его поступки— решения мы принимаем, как правило, не на логическом уровне, сначала мы их принимаем, потом пытаемся объяснить, а может быть, и не пытаемся. Самые серьезные вещи совершаются импульсивно, пришло решение — и все... А уж потом рассуждаем, как это хорошо или как это плохо оказалось. В нем была некая загадочность, естественная, неотъемлемая его черта. У человека есть право на это. Он попал к нам в 40-е из 20-х годов, из другого времени. Мы прошли определенный путь, он его не проходил, и уже был разрыв какой-то... Мне кажется, эту загадочность его нужно было бы подчеркнуть.

Вяч. Вс. Иванов. Я знал Тимофеева-Ресовского со времени математического семинара А. Ляпунова, о котором написано в повести. Степень внутренней свободы, внутренней смелости в его случае была уникальной. Он занимался тогда проблемами окружающей среды, читал на эту тему доклады, лекции, чрезвычайно резкие. Я наблюдал поразительные его выступления, где рассказывалось, до какой степени загрязнены реки Урала и что он предлагает для их спасения. До сих пор я не встречаю в печати формулировок столь решительных, какие он позволял себе тогда. Я вообще думаю, что мы недооцениваем смелость и внутреннюю свободу людей того поколения. На них давление было гораздо большее, чем на нас.

В. Корогодин. На множество людей Николай Владимирович оказал огромное влияние, на их общую культуру, научную и человеческую. Он как-то сказал, что не учитель ищет учеников, а ученики находят себе учителя. К нему приезжали из разных городов и уезжали, оставляя на всю жизнь след в душе от этого общения.

А. Ярилин. Всегда, во всех ситуациях Энве сохранял чувство собственного достоинства. Актуальнее всего для нас, по-моему, извлечь опыт его позиции.

В конце 70-х годов я был вроде старосты в группе людей, его опекавших. Не думаю, что он раскрывался перед нами во всех своих глубинах, но в эти домашние, тихие, бесконечные вечера все же, видимо, больше, чем раньше. Читаешь ему книги, газеты — восклицание: «Несчастное наше Отечество!» И начинаются вопросы: ну что делать интеллигентному человеку, порядочному, что мы вообще можем сделать? Не смею быть его рупором, в разные времена он, может быть, по-разному думал, но помню, он говорил о совершенно определенных вещах. Безукоризненно выполнять профессиональный долг — это для него очень важно было. Он скрупулезно относился к любым своим обязанностям. Личная порядочность — во что бы то ни стало. Культурная миссия. Он говорил: просвещать — дело, которое реально можно делать сейчас. Прекрасное его качество — безоглядность, он не просчитывал, он бросался действовать...

М. Реформатская. То, что благодаря «Зубру» мы обсуждаем так много проблем, считаю огромной заслугой Д. Гранина, затронувшего их в своем документальном повествовании. Одну, которая мне представляется необычайно интересной и важной, — как существовали эти замечательные личности, как они соседствовали с системой, — подхватил в своей статье «Система и Зубры» Г. Попов. В целом это очень убедительная, прекрасная статья. Но у меня есть два возражения. Во-первых, происходит некая девальвация понятия «зубр». Г. Попов его излишне расширяет, называя имена, которые вряд ли могут встать в единый ряд. И второе: я никак не могу считать отключением от общественных интересов, когда человек завоевывает на своем квадрате научной деятельности, причем в области гонимой, не признаваемой официально, право на существование. Делая профессионально, честно, последовательно свое дело, он уже переходит за этот отвоеванный квадрат и оказывается на той территории, которая монопольно принадлежит политикам.

Читательский успех книги мне видится в образе независимого Человека, в авторском доверии к Личности, которая ни в какое амплуа не вписывается, в нежелании этот уникальный характер подскоблить, подтесать, вложить в прокрустово ложе. Из этого увлечения своим героем каков он есть и получилась книга, мне кажется, играющая сегодня огромную общественную роль.

Ю. Карякин. Представьте себе эксперимент. Вдруг выясняется, что Зубр — самый плохой человек, чуть ли не шпион. Я представляю себе Гранина и его оппонентов. Представляю муку Гранина, именно муку, которая все равно кончится одним: не верю! И представляю — да простится мне! — злорадство оппонентов...

Это ведь так прекрасно — найти прекрасного человека и очистить его от незаслуженных подозрений. И сколько энергии — какой! зачем? — тратится на то, чтобы доказать себе и другим, что человек дрянь. Ведь перед нами модель. Модель восстановления справедливости и модель вольного или невольного нежелания признать эту справедливость. Были репрессии, пытки, убийства. И вот справедливость восстанавливается. И все равно кому-то непременно надо навести тень. Слышал такую историю. Открылось захоронение незаконно репрессированных, или, как бы сказали раньше, невинно убиенных. Люди, потрясенные, хотели памятник им воздвигнуть, но было приказано: забетонировать! Вот страшный знак, символ-образ убийства памяти, совести, расправа со страданием. Забетонировать! Такой бетон пострашнее сегодня «ждановской жидкости». И неведомо этим «бетонщикам», что увековечивают они сами себя в своей бессовестности, в своем бесстыдстве.

Писатель дал нам образ независимой личности, а только независимая личность, свободный человек обладает подлинной заразительностью — к нему тянутся и всегда будут тянуться люди. В чем наша главная надежда? Зубров становится больше.

***

Встреча в редакции длилась почти пять часов. И это неудивительно — был затронут широкий спектр проблем. Мы не смогли в репортаже отразить все выступления, но к темам, обозначенным в разговоре, к прозвучавшим в нем мыслям непременно вернемся в материалах на страницах «ЛГ».